

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ: ЮГО-ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ

События кануна Отечественной войны 1812 года рассматриваются в подавляющем большинстве исследований лишь с точки зрения военной и внешнеполитической подготовки сторон к грядущему столкновению. Что же касается вопросов внутренней политики - отношения к войне со стороны различных социальных и национальных групп, состояния умов в обществе, деятельности местных администраций по обеспечению обороны края и т.д., то они, как правило, оставались вне поля зрения историков. Именно на этом комплексе проблем мы намерены сосредоточиться, взяв в качестве примера те территории Российской империи, которые сегодня входят в состав Украины.

Известно, что Наполеон проявлял определенный интерес к южным и юго-западным окраинам Российской империи еще в бытность первым консулом. По его заданию французские дипломаты и тайные агенты собирали сведения об истории и географии края, состоянии тамошних дорог и переправ, укреплениях городов, настроениях населения и т.д. В их донесениях постоянно подчеркивался тот факт, что местное население, в первую очередь казачество, лишенное былых вольностей и привилегий, крайне недовольно российским владычеством.

Так, например, в 1802 г. французский представитель в Турции Эмиль Годэн в меморандуме на имя Наполеона предлагал в случае войны с Россией высадить десант в черноморских портах: «Население восстанет против москвитов. Особенно если первый консул, авторитет и слава которого достигли уже степей Украины, обратится с прокламацией к украинским казакам. обеспечив им возвращение старых вольностей. Первый консул найдет в степях Украины славу не меньшую, чем под пирамидами»¹.

В памятной записке военного атташе в Петербурге Бургойна, представленной Наполеону в 1804 г., рекомендовалось под видом купцов направить на Украину агентов, которые «тайно и умело возбуждали бы население, напоминая ему о славном прошлом и жалком настоящем. В свое время, когда политическая конъюнктура приведет к открытой войне между Францией и Россией, восстание на Украине будет одним из факторов победы.»².

В феврале 1811 г. французский агент Лефевр уверял в донесении, что в случае войны с Россией «лучший способ разрушить российское могущество - это вступить на Украину, где население все еще настроено против России»³.

Примерно в это же время другой французский разведчик пишет записку, где утверждает: «Мощная диверсия в сторону Киева может иметь решающее влияние на ход всей кампании в России.»⁴ По заданию министра иностранных дел барон Биньон, французский посланник в Варшаве, весь 1811 г. собирал через своих агентов сведения о ситуации на Правобережной Украине, особо подчеркивая в донесениях недовольство крестьян.

В феврале 1812 г. появляется адресованный Наполеону пространный меморандум польского генерала Михала Сокольника «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому - и от влияния Англии». Не так давно этот интересный и ценный документ был переведен на русский язык и опубликован университетским издательством в Минске, правда небезупречно с точки зрения археографии⁵. Теперь он доступен самому широкому кругу исследователей.

Специалистам на Украине сочинение Сокольника было известно достаточно давно в изложении И. Борщак, эмигрантского историка, жившего в 20-30-х годах прошлого века во Франции и работавшего в тамошних архивах. Правда, Борщак из патриотических соображений скрыл имя настоящего автора и, прибегнув к ряду фальсификаций, выдал документ за якобы рожденный в недрах министерства иностранных дел Франции. Тем самым он повысил его статус, представив чуть ли не как официальную позицию Наполеона, в частности, в отношении Украины. Фальсификации Борщак прочно укоренились в украинской историографии и были разоблачены лишь недавно, благодаря исследованиям во французских архивах молодого львовского историка Вадима Адаурова⁶.

Главная цель меморандума М. Сокольника - привлечь внимание Наполеона к необходимости восстановления Польши в ее «естественных границах» до Днепра на востоке и Черного моря на юге. Эти границы включали и земли, населенные украинцами и отошедшие после разделов Речи Посполитой к России. Однако планы польского генерала шли значительно дальше. Чтобы надежно оградить Польшу от России он предлагал создать на ее восточных границах цепь федеративных герцогств, «которые имели бы точно такую же, как в Польше, Конституцию и находились бы под ее непосредственной протекцией»⁷. Среди них - герцогство Черниговское, или Новгород-Северское, герцогство Полтавское и «различные казачьи орды - главным образом те, что известны под названием

запорожских, то есть расположенные за порогами, а также те, что обитают в долине Донца. Эти последние, будучи объединенными с крымскими татарами, могли бы сформировать единое государство, звучное имя которого Таврида... будет заменено на другое - Наполеонида. Это государство состояло бы из: 1) заднепровской части губернаторства Екатеринославского; 2) губернаторства Тавридского; 3) долины Донца до слияния этой реки с Доном, который от места впадения в Азовское и Черное моря до устья Днестра служил бы ему границами на юге.

Страна, населенная народностями, привыкшими всегда находиться в седле, управляемая одним правителем с помощью Конституции, приспособленной к образу жизни этих людей, стала бы одним из самых надежных барьеров для амбициозных проектов России и ее претензий на Черном море и Босфоре...»⁸.

Таким образом, как видно из цитированного выше, создание «Наполеониды» было лишь проектом польского генерала. Собственных планов представить Украине какую-нибудь форму государственной самостоятельности у Наполеона попросту не было.

В осуществлении столь обширных замыслов М. Сокольникович гарантирует Наполеону полную поддержку не только со стороны поляков, но и абсолютно всех других проживающих в тех краях народов: «Они спят и видят, как избавиться от российского ига и бесчестия. Особенно нетерпеливы запорожцы... Ловкие, храбрые, неутомимые и очень сообразительные, они могут стать первыми, кто поднимет восстание и привлечет других на свою сторону». Что касается земель расположенных западнее, то, по мнению Сокольниковича, «Волынь поднимется так же быстро, как Подолия и Украина. Восстание будет победоносно завершено, прежде чем русские войска смогут ускользнуть от Великой Армии»⁹.

В порыве патриотических мечтаний Сокольникович забывает или сознательно обходит молчанием многовековой антагонизм между польскими помещиками и украинскими крестьянами и казаками, не раз в прошлом выливавшийся в кровопролитные восстания. Лишь один раз он говорит об этом и то вскользь: «Правда, местные хроники утверждают, что они (крестьяне. - *С.П.*) ненавидят своих тиранов, приводя в подтверждение ужасные сцены многочисленных народных восстаний, направленных против их гнета. Но это не вся правда. Я погрешу против истины, если не скажу, что все эти ужасные сцены имели место исключительно в результате подстрекательства попов и под влиянием русских»¹⁰.

Заключительная часть трактата Сокольниковича - подробное описание маршрута и возможных маневров армейского корпуса, который, выступив из пределов Варшавского герцогства, через Волынь двинется для завоевания Киева. И здесь генерал гарантирует, что «армейский корпус, увеличиваясь численно благодаря мятежам, которые всколыхнут эту провинцию, заставит считаться с собой неприятеля, которому будет нечего предпринять ввиду того, что все коммуникации окажутся перерезанными»¹¹.

Насколько оправдан был оптимизм Сокольниковича? В выступлении на одной из прошлых конференций мы говорили о беспочвенности подобных ожиданий, во всяком случае в отношении украинского населения¹². Ни социальные, ни национальные противоречия в крае к тому времени не достигли остроты, которая была бы чревата взрывом. Национальное сознание украинского населения не было сформировано, и оно отождествляло себя с остальным православным населением империи. Наконец, отсутствовала политическая сила, способная поднять и возглавить антироссийское движение.

Однако было бы большим упрощением представить ситуацию на южных и юго-западных окраинах империи как беспроблемную. В нашем распоряжении появился ранее неизвестный документ под названием «Примечания о Малороссии», автором которого является Петр Андреевич Чуйкевич, сотрудник Особенной канцелярии военного министра, в обязанности которого входил сбор разведывательной информации и составление аналитических записок. Именно такой запиской, адресованной М.Б. Барклаю де Толли, и является интересующий нас документ, датированный мартом-июнем 1812 г.¹³ Ее содержание охватывает историю края, его социальную и правовую систему, экономику и т.д. Записка заканчивается прогнозом ситуации, которая может сложиться при вторжении неприятеля. Документ проникнут достаточно критическим духом. Его автор, уроженец Украины, ведет речь о вещах хорошо ему известных, обнаруживает личную позицию практически по всем затронутым вопросам. П.А. Чуйкевич пишет о глубоком социальном антагонизме в украинском обществе, ненависти народа к дворянству, массовом бегстве на Дон и постоянных апелляциях к властям о восстановлении казачества. В социальной напряженности видит автор «Примечаний» главную опасность накануне войны. «Если правительство отправит в Малороссию верных людей для исследования духа ее жителей, они увидят вообще тайное, но сильное негодование... Сей край, в коем ненависть народа к дворянству очевидна, может быть возмущен. Сие бедствие может исполниться в случае принуждения наших войск к отступлению на левый берег Днестра перед оружием неприятельским. В нынешних обстоятельствах правительство не должно ослаблять своего надзора над

Малороссией. Благоразумными и быстрыми способами можно будет водворить в оной доверенность к правлению. При том не должно оставлять сего края без войск, необходимых к сохранению его спокойствия».

Таким образом, П. А. Чуйкевич полностью разделял опасения многих представителей господствующего класса России в том, что Наполеон может пустить в ход антикрепостническую пропаганду, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство.

Но пугая перспективой бунта, он даже не намекает на наличие в крае политической оппозиции и угрозу сепаратизма. Предотвратить же эвентуальный взрыв, по мнению автора, можно заменив действующего генерал-губернатора Я. И. Лобанова-Ростовского на человека «известного своей кротостью, мудростью и твердостью».

Говорится в записке и о целесообразности возрождения малороссийского казачества и отмены рекрутской повинности. К сожалению, нам неизвестна реакция М.Б. Барклая де Толли на записку П.А. Чуйкевича. Однако, как показали дальнейшие события, по крайней мере одна из его мыслей - о восстановлении казачества - была взята властями на вооружение, что нашло выражение в создании Украинской конно-казачьей дивизии, Полтавских и Черниговских казачьих полков.

1811-1812 гг. были беспокойным временем для военных и гражданских чинов, которым были поручены оборона и поддержание порядка на юго-западных окраинах империи. Поступавшие из-за границы сведения о военных приготовлениях французского императора, участвовавшие неподконтрольные властям контакты польских помещиков с соотечественниками из Варшавского герцогства в сочетании со всевозможными слухами о шпионах-поджигателях городов, предзнаменованиями в виде кометы создавали тот тревожный фон, на котором приходилось им действовать.

Обстановку всеобщей подозрительности и тревоги создал на Правобережной Украине знаменитый киевский пожар 1811 г. Он начался 9 июня на Подоле, который «в то время составлял лучшую и самую многолюдную часть Киева, точнее сказать - это и был в собственном смысле город Киев: здесь именно было сосредоточено все, что давало ему значение известного центра в торговом, промышленном и образовательном отношениях»¹⁴. В течение часа Подол превратился в огненное море. По свидетельству очевидца «бумаги летели за 36 верст, до города Василькова, а дым днем и зарево ночью можно было видеть за 100 верст». Пожар продолжался почти три дня и причинил громадный материальный ущерб, погибли десятки людей¹⁵.

Еще во время самого пожара распространились слухи о поджигателях - поляках, евреях, немцах и даже французах, которых якобы видели многие киевские жители. Вскоре в городе последовал еще ряд пожаров, не имевших, правда, столь разрушительных последствий. Горожан охватила паника. Киевский губернатор М.А. Милорадович донес в Петербург о пожаре, «об открывшихся при том подозрениях на злоумышленников и о разных слухах, приводящих жителей в большое беспокойство». Из столицы в Киев был командирован чиновник для следствия, причем ему было вменено в обязанность «стараться паче всего обнаружить злоумышленников в пожаре и поводы к таковому злодейству»¹⁶. Таким образом, сами власти, приняв версию о поджигателях как основную, стали источником всех последующих беспокойств и недоразумений.

Прибывший в августе из Петербурга чиновник вскоре установил, что большой пожар 9 июня, равно как и последующие, не носил умышленного характера, а был вызван бытовыми причинами. М.А. Милорадович донес об этом в Петербург, но оттуда требовали «приложить все старания отыскать злоумышленников в поджогах».

В конце сентября 1811 г. в Балтском повете Подольской губернии наконец был задержан некто, назвавший себя уроженцем Волынской губернии, шляхтичем Павлом Тршалковским. Он показал, что восемь месяцев назад в г. Дубно был взят в услужение польским генералом Габриэлем Пашковским. Одновременно были наняты еще 12 человек. Все они дали в костеле клятву беспрекословно выполнять все приказания Пашковского. Разделившись на три группы злоумышленники рассеялись по юго-западному краю и с началом весны совершили ряд поджогов в гг. Острог, Тульчин, Староконстантинов, Киев, Немиров, Умань и др. Тршалковский сообщил и другие подробности действий поджигателей, описал их внешность, сообщив, что в целях конспирации они иногда носят одежду ксендзов¹⁷.

В Петербурге полученная информация была воспринята как «своего рода прелюдия к наступательным враждебным действиям против России, к которым поляки явно готовились тогда в союзе с французами»¹⁸. В начале октября в Юго-Западный край был направлен наделенный чрезвычайными полномочиями генерал-лейтенант Ф. Ф. Эртель и учреждена комиссия для расследования «о пожарах в губерниях от Польши приобретенных». В секретной инструкции, подписанной Александром I, на Ф.Ф. Эртеля возлагалась обязанность «изыскать причину бывших

пожаров и открыть самих зажигателей». Эртель со всем рвением взялся за дело. Его главным и единственным источником были показания Тршалковского.

На ноги была поставлена вся полиция правобережных губерний, учреждены дневные и ночные караулы, разосланы описания злоумышленников. Всех подозрительных, особенно «бесписьменных и с сомнительными паспортами» было приказано задерживать и доставлять в комиссию. За небрежение обязанностями Эртель угрожал нерадивым суровыми наказаниями. Эти полицейские меры значительно затруднили перемещение по краю для лиц различных сословий, включая помещиков и чиновников. Постоянно происходили инциденты, причиной которых была чрезмерная подозрительность местных властей. Так, двое мелких чиновников и корнет отправились в Богуславский повет погостить у местных помещиков, поиграть в карты и т.п. В одном из сел они были задержаны, хотя имели при себе документы. Подозрительных путешественников сотский отправил в Богуслав, где местный городничий при обыске обнаружил у них карты, кости и другие предметы, которые, в его понимании, могли быть атрибутами поджигателей. Несчастных заковали в кандалы и под караулом отправили в Киев, где они более двух месяцев провели в тюрьме, пока шло следствие, установившее их непричастность к поджогам¹⁹.

Особенно плохо приходилось иностранцам, которых подозревали в первую очередь. В Черкассах земский исправник задержал двух итальянских священников, приехавших собирать пожертвования для бернардинского монастыря в Альпах. Хотя они и имели необходимые паспорта, исправнику показалось подозрительным расхождение в написании их фамилий на русском и французском языках в документах. Под караулом их отправили к киевскому губернатору, а тот - в комиссию о пожарах. Через три месяца, которые священники провели под стражей, власти разобрались и вернули им паспорта. Но едва они покинули Киев, как в Бердичевском повете их снова задержали и посадили под караул. Исправник, имея предписание Ф.Ф. Эртеля о поимке ксендзов-поджигателей, отправил донесение в Киев. В ожидании ответа он отослал священников для присмотра в квартировавший поблизости Татарский уланский полк. Полковой командир доложил об арестантах дивизионному, тот - главнокомандующему П.И. Багратиону, от которого последовало предписание отправить арестантов в Житомир к волынскому губернатору для расследования. Дело дошло до Петербурга и только в ноябре 1812 г. пришло повеление выслать их за границу. В январе 1813 г. священников препроводили в Радзивиллов, но австрийские власти отказались их принять, так как тем нечем было содержать себя в карантине. Прошло еще два месяца, прежде чем им было возвращено имущество, и в марте 1813 г. патеры покинули негостеприимную страну, где их около полутора лет держали под стражей²⁰.

Проходили месяцы, но, несмотря на все принятые меры, преступники так и не были обнаружены. Тршалковский давал все новые показания, но по его описаниям и адресам ни людей, ни домов обнаружить не удавалось. Появились скептики, в их числе был и киевский генерал-губернатор М.А. Милорадович. Но Ф.Ф. Эртель был уверен, что находится на верном пути, и под видом разного рода подозрительных людей уже переловил добрую половину поджигателей.

В самом начале 1812 г. Тршалковского отправили для розыска в Киев. Тут его пожелал видеть М.А. Милорадович. При первой же встрече произошел следующий разговор: «Ба! Знакомая птица, - приветствовал арестанта губернатор. - Да ведь тебя, каналью, хорошо здесь знают: ты - дезертир, беглый барабанщик здешнего гарнизона! Признавайся ракалия, кто тебя научил выдумывать вздорные небылицы!». Арестант повалился в ноги губернатору и тут же повинился, что все его показания вымышлены, ни в каких поджогах он не участвовал, шайки поджигателей не знает, а выдумал все «для того, что чрез подобное открытие надеялся получить свободу и награждение»²¹.

Человеком, чьи показания столь долго держали в напряжении весь Юго-Западный край, оказался 19 летний Павел Гродский, уроженец Волынской губернии. За бродяжничество его в 1806 г. отдали в Киевский гарнизонный батальон барабанщиком. Весной 1811 г. он бежал с товарищами, бродил по краю. За драку в корчме был взят под стражу и, будучи пьяным, болтал всякий вздор. Между прочим, хвалился, что принадлежит к шайке поджигателей и участвовал в поджоге Киева. Тут его отправили в Каменец-Подольск к губернатору. Тогда Гродский вообразил, что играя роль раскаявшегося, по молодости и неопытности вовлеченного в шайку поджигателей, он сумеет избежать наказания за побег. Выдумав свою историю с польским генералом Пашковским, он расплодил серию небылиц и оговорил множество невинных людей.

Дело о мнимых поджигателях можно было считать оконченным. М. А. Милорадович отправил донесение министру полиции Балашову, где с полным на то основанием констатировал, «что разглашения и слухи на счет бывших в Киеве зажигателей совершенно не основательны, и что пожары происходили здесь, как я и прежде предполагал, единственно от беспечности и неосторожности хозяев или от шалости или недовольствия домашних служителей, которые, пользуясь общим смятением, из мщения или буянства отважились втайне делать иногда поджоги, но они, однакож, или

заблаговременно были открыты, или в то же время были погашены»²². В начале января 1812 г. генерал Ф.Ф. Эртель был отозван в Санкт-Петербург и деятельность его комиссии была завершена.

Однако тени поджигателей продолжали будоражить воображение современников и потомков. Казалось весьма правдоподобным, что Наполеон, стремясь посеять хаос в пограничных губерниях Российской империи накануне вторжения, мог направить сюда своих агентов с заданием организовать поджоги продовольственных магазинов, общественных зданий, военных объектов. Точка над *i* в этом вопросе была поставлена лишь недавно, благодаря исследованию в архивах Франции уже упоминавшегося Вадима Ададунова.

Первое сообщение о киевском пожаре было получено в Париже от французского резидента в Варшаве Э.-П. Биньона только в октябре 1811 г., т. е. через три месяца после происшествия. Биньон сообщал о целой серии пожаров, имевших место кроме Киева в Бердичеве, Житомире, Тульчине, Остроге, Дубно и других городах. Он характеризовал их как следствие поджогов, организованных самими властями с целью «остановить поступь цивилизации, ассимилировать бывшие польские провинции в лоно Российской империи, с большей уверенностью сохранить здесь темноту и рабство народа». Подобное предположение высказывал и М. Сокольников. В конце 1811 г. он писал Наполеону, что «на Волыни, Подолии и на Украине создана рота поджигателей, которая уже в этом, 1811, году превратила в пепелище около сорока городов и местечек, принадлежавших помещикам, которых считали ненадежными; даже те поселения, которые принадлежали государству, но в которых подозревали существование патриотического движения, совершенно не были пощажены»²³. Таким образом, запоздалые отклики и абсурдные предположения французских должностных лиц относительно причин пожаров выдают их неосведомленность о происшедшем. «Какими бы ни были причины киевского пожара 1811 г., совершенно очевидно, что ни Наполеон, ни кто-либо из его министров не могли иметь отношения к его возникновению», - заключает В. Ададунов²⁴. С этим мнением львовского историка можно целиком согласиться.

Дело о поджигателях может служить наглядным примером того, с каким подозрением относились российские власти к полякам. Между тем на Правобережье помещики почти сплошь были поляками. Они занимали все выборные по дворянству должности и даже некоторые административные. «Русскими по происхождению в этих местах являются только офицеры полиции», - писал в своем меморандуме М. Сокольников²⁵.

Подавляющее большинство поляков с надеждой взирали на Наполеона, ожидая от него восстановления польского государства. Российские власти настороженно смотрели на контакты своих подданных с соотечественниками в Варшавском герцогстве. Накануне вторжения эти контакты активизировались, причем известная их доля оказалась неподконтрольной российским властям. В глазах последних поляки выглядели способными совершить разные диверсии, включая поджоги армейских продовольственных магазинов. Еще в мае 1811 г. волынский губернатор Комбурлей, которого Сокольников характеризовал как «заклятого врага французов», писал военному министру Барклаю де Толли: «По связям здешних с жителями Варшавского герцогства, по множеству приезжающих сюда из-за границы и по неблагоразмыслию, может быть, некоторых из наших обывателей, нельзя не опасаться, чтобы неприязненные правительства не приняли каких-либо средств к истреблению запасов» и призывал усилить охрану продовольственных складов в Житомире, Луцке, Остроге и Дубно²⁶.

Весной 1812 г. положение в пограничных губерниях привлекло наконец внимание Петербурга. 21 марта император Александр I направил министру полиции рескрипт с повелением, «дабы обращено было особенное внимание на правила и образ мыслей помещиков и других обывателей пограничных губерний не весьма давно к России присоединенных». Губернаторам предписывалось подвергнуть всех жителей «строгому с их стороны наблюдению» и представить списки «тем лицам, которые не надежны, с разделением на две части, из коих в одной поместить сомнительных, а в другой совершенно подозрительных»²⁷.

В мае поступило донесение от волынского губернатора, который писал, «что хотя многих подозреваю я в дурном к России расположении, но совершенно подозрительными, кроме немногих, никого почти признать не могу». Представленный им список «явно подозреваемых» насчитывал всего восемь фамилий польских помещиков. «Сомнительных» было гораздо более - 93 человека²⁸.

Киевский гражданский губернатор Санти в начале июня направил в Петербург в чем-то похожий ответ: «Здешние помещики, дети их и шляхта, ведут себя тихо, скромно, но осторожно, так что образа их мыслей, никак проникнуть невозможно». Но заканчивал он свое донесение на пессимистической ноте: «. при малейшей неудаче, ни коим образом, ни на которое из. состояний положиться не можно, а большая часть здешнего дворянства кажется по правилам своим и ветренности нрава, не допустит неприятеля до реквизиции, но добровольным приношением с избытком всем снабдит». Список

подозрительных включал четырех человек, сомнительных - 40²⁹.

Перед самой войной последовало предписание выслать «сомнительных людей» во внутренние губернии, чем и воспользовались губернаторы. Проступки, за которые польских помещиков отправляли в ссылку, заключались чаще всего в том, что они «пьют здоровье короля и королевства Польского, позволяют себе в разговорах на щет России и даже императорской фамилии разные неблагопристойные шутки и занимаются разглашением нелепых слухов»³⁰.

Бывали и более серьезные проступки. Так, поветовые маршалы (уездные предводители дворянства) Киевской губернии Головинский, Мадейский и Красицкий были в сентябре 1812 г. высланы под надзор полиции соответственно в Астрахань, Саратов и Воронеж за то, что «примером своим и убеждением преклоняли польское дворянство к уменьшению числа воинов в ... военную силу (ополчение. - *С.П.*) назначаемых»³¹. Но в целом, даже после начала войны, польские дворяне вели себя тихо, не причиняя местным властям большого беспокойства. В ноябре волынский губернатор сообщал министру полиции, что «обыватели вверенной мне губернии ведут себя до сего времени очень скромно, приказания начальства и разные повинности исполняют беспрекословно, вредных предприятий или духа возмущения совершенно за ними не примечено и вообще спокойствие и повиновение, невзирая на бывшее близкое нахождение неприятельских войск, поныне не нарушено.

Исполнение рекрутского набора и взыскание государственных податей, равно и отправление разных повинностей, производится по возможности»³².

Таким образом, расчетам и ожиданиям М. Сокольниковского, как и тревогам многих военных и гражданских чинов в России, не суждено было сбыться. Население юго-западных и южных окраин оставалось в массе своей лояльным и покорным империи. Можно добавить, что даже в Литве и Белоруссии, где наполеоновской армии было оказано наибольшее содействие, его масштабы не оправдали надежд захватчиков.

Подведем некоторые итоги. Итак, у Наполеона не было конкретных планов относительно завоевания и будущего устройства территорий, населенных украинцами, как и планов освобождения их от крепостной зависимости и восстановления казачества. Все рассуждения на эти темы, встречающиеся в украинской историографии, являются лишь спекуляциями, основанными на фальсификациях И. Борщака.

Конкретные планы относительно будущего украинских земель имелись у политических и военных кругов Польши. Однако они касались лишь возвращения этих земель в лоно возрожденного польского государства и не затрагивали сложившейся в крае социально-экономической структуры. Следовательно, не могли пробудить интереса и сочувствия у крестьянско-казацкой массы. К тому же эти планы не согласовывались с намерениями самого Наполеона.

Несмотря на сложную и неясную обстановку накануне войны, центральные и местные власти в целом контролировали ситуацию на подведомственных им территориях, стремились предупредить эвентуальные действия противника по дестабилизации положения в крае. Следует признать особо удачным принятое накануне войны решение о формировании на Правобережье из представителей казачьего сословия конно-казацкой дивизии, а в самом начале войны - о формировании на тех же основаниях казацкого ополчения в Малороссии. Тем самым российские власти привлекли на свою сторону массу украинского населения по обеим сторонам Днепра, обеспечив себе его лояльность и поддержку, одновременно нейтрализовав активность польских патриотических кругов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борщак І. Наполеон і Україна. Львів, 1937. С. 38.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Сокольниковський М. «Исполнено по высочайшему повелению...»: Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковским, с рекомендациями «о способах избавления Европы от влияния России...». Минск, 2003.

⁶ Ададуров В. Народження одного історичного міту: проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. Київ; Львів, 2005. С. 212-235.

⁷ Сокольниковський М. Указ. соч. С. 80.

⁸ Там же. С. 81, 82.

⁹ Там же. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 130.

¹² Потрашков С.В. Украина в Отечественной войне 1812 года: внутренний аспект // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000. С. 210, 211.

¹³Кравченко В.В. Україна напередодні російсько-французької війни 1812 р. очима сучасника // Схід-Захід, 1999. Вип. 2. С. 203, 210.

¹⁴Левицький О. Тревожные годы: Очерки из обществ. и полит. жизни г. Киева и юго-запад. края в 1811-1812 гг. // Киевская старина. 1891. Т. XXXV. Октябрь. С. 1.

¹⁵Сообщение очевидца о великом пожаре в Киеве на Подоле в 1811 г. // Киевская старина. 1896. Т. LX. С. 72.

¹⁶Левицький О. Указ. соч. С. 8.

¹⁷Там же. С. 12.

¹⁸Там же. С. 13.

¹⁹Там же // Киевская старина. 1891. Т. XXXV. Ноябрь. С. 171, 172.

²⁰Там же. С. 175, 179.

²¹Там же. С. 190, 191.

²²Там же. С. 194.

²³Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії початку ХІХ століття. Львів, 2007. С. 121, 122.

²⁴Там же. С. 123.

²⁵Сокольницький М. Указ. соч. С. 118.

²⁶Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1903. Т. IV. С. 46.

²⁷ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

²⁸Там же. Л. 16, 26.

²⁹Там же. Л. 29, 33.

³⁰Там же. Д. 100. Л. 9.

³¹Там же. Д. 167. Л. 1, 15.

³²Там же. Д. 130. Л. 1.